

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.12>

Феофанов Александр Михайлович

[РОЛЬ ГИМНАЗИЙ АКАДЕМИИ НАУК И МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИКОВ 1755-1765 ГГ.](#)

В статье на примере карьерных и образовательных траекторий воспитанников Академической гимназии и учеников Московского университета исследуется образование как социальный лифт. Выявляется, в какой мере воспитанники гимназии пополнили образованную элиту Российской империи. Автор приходит к выводу, что из общего числа гимназистов 5-8% достигли чинов первых пяти рангов; треть гимназистов, достигших первых трех чинов, были детьми генералов таких же рангов; среди всего генералитета первых трех классов воспитанников Московского университета было в пять раз больше, чем академических гимназистов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/12.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 63-67. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

характеризовалось системностью, плановостью, высокими требованиями к уровню подготовки и квалификации врачей, назначенных в состав медицинских комиссий, разнообразием форм и методов контроля результатов медицинского обследования военнообязанных и призывников.

Список источников

1. Аргунова М. П. Эвакогоспитали Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2015. 367 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-4. Оп. 7.
3. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2.
4. ГААК. Ф. Р-5. Оп. 1.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 18.
6. ГАО. Ф. П-4. Оп. 8.
7. Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). Ф. 7. Оп. 1.
8. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1.
9. Мезит Л. Э. Состояние системы здравоохранения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). Ч. 3. С. 125-128.
10. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 52. Оп. 33.
11. НАРС (Я). Ф. П-3. Оп. 1.
12. НАРС (Я). Ф. П-3. Оп. 184.

**ORGANIZATION OF MEDICAL EXAMINATION OF OBLIGATED RESERVISTS AND RECRUITS
IN THE SIBERIAN AND TRANS-BAIKAL MILITARY DISTRICTS
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Rostov Nikolai Dmitrievich, Doctor in History, Professor
Polzunov Altai State Technical University, Barnaul
ndrostov@mail.ru

The article examines the activity of medical commissions in the regions of Western and Eastern Siberia. The author considers the order of their creation, as well as personnel, material and technical support. The difficulties and problems of the medical examination of obligated reservists and recruits during the Great Patriotic War are revealed. Special attention is paid to analysing the measures taken by the military commissariats and local healthcare bodies to improve the quality of medical examination. The importance of medical examination for staffing the front with human resources is shown.

Key words and phrases: The Great Patriotic War; Siberian military district; Trans-Baikal military district; obligated reservists; recruits; re-examination; medical commissions; military commissariats; local healthcare bodies.

УДК 94(470)"17

Дата поступления рукописи: 19.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.12>

В статье на примере карьерных и образовательных траекторий воспитанников Академической гимназии и учеников Московского университета исследуется образование как социальный лифт. Выявляется, в какой мере воспитанники гимназии пополнили образованную элиту Российской империи. Автор приходит к выводу, что из общего числа гимназистов 5-8% достигли чинов первых пяти рангов; треть гимназистов, достигших первых трех чинов, были детьми генералов таких же рангов; среди всего генералитета первых трех классов воспитанников Московского университета было в пять раз больше, чем академических гимназистов.

Ключевые слова и фразы: Московский университет; элита; генералитет; шляхетство; карьерные механизмы; социальная мобильность; гимназия Академии наук.

Феофанов Александр Михайлович, к.и.н.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
aleksandr-feofanov@yandex.ru

**РОЛЬ ГИМНАЗИЙ АКАДЕМИИ НАУК И МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА
НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИКОВ 1755-1765 ГГ.**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-31-01010.*

Одной из актуальных задач изучения истории России является исследование социальной мобильности в Российской империи XVIII века, в том числе на примере судеб воспитанников различных учебных

заведений [7; 8]. В данной статье проблема образования как социального лифта будет исследована на примере карьерных и образовательных траекторий воспитанников гимназии при Петербургской Академии наук и учеников Московского университета. Проблема социальной мобильности в Российской империи XVIII века не относится к достаточно исследованной. Это касается буквально всех социальных групп и сословий, от благородного сословия до мещан и купцов. В историографии, посвященной образовательным и воспитательным стратегиям российского дворянства, следует отметить работу Яна Кусбера [10].

При анализе общей образованности и грамотности дворян практически не использовались массовые источники. Как исключение можно назвать работу, посвященную кадетам Сухопутного шляхетного кадетского корпуса [20]. Из удачных примеров исследования микроистории социальной мобильности выделяется статья Е. В. Акельева и А. В. Жуковской [1]; на массовых источниках основана работа С. В. Черникова, посвященная карьерным механизмам формирования российского генералитета XVIII века [18]. В трудах, посвященных истории Академии наук [9; 11; 15] и Московского университета [3-5; 14; 19], основное внимание уделялось вопросам открытия этих учебных заведений, учебному процессу, профессорскому составу, роли М. В. Ломоносова в их истории и т.п. До сих пор неизвестны точная численность гимназистов, их социальный состав и дальнейшие судьбы.

В статье получение образования и карьерные стратегии гимназистов Московского университета и Академии наук впервые на основе широкого комплекса источников (в том числе еще не введенных в научный оборот) будут рассмотрены в связи с их сословным происхождением, связями с другими образовательными учреждениями и патронажем со стороны родственников или сторонних покровителей. Общую численность на основе именных списков, социальный состав гимназистов Академии наук удалось выявить благодаря базе данных «Учащиеся гимназии Академии наук», создаваемой в рамках проекта «Образование как социальный лифт в России XVIII века: межпоколенная социальная мобильность учащихся Академии наук» совместно с Т. В. Костиной. В базе данных сейчас содержится информация о более чем 2,5 тыс. учениках. База данных о гимназистах Московского университета составлена автором на основе сведений «Московских ведомостей» (где публиковались именные списки учеников), документов, опубликованных Д. Н. Костышиным [6], и архивных материалов.

В первую очередь предметом нашего анализа станут те гимназисты, кто пополнил собой генералитет Российской империи (т.е. выслужили I-V чины по Табели о рангах на военной, статской или придворной службе). Изучение карьерных траекторий позволит дать ответы на следующие вопросы: как в век Просвещения происходило воспроизводство верхнего слоя общества, какова роль в этом гимназий Академии наук и Московского университета? Каким социальным капиталом, сословным происхождением обладали те из гимназистов, кто впоследствии составил элиту Российской империи? Решение этих вопросов с привлечением комплекса новых источников и составляет принципиальную **научную новизну** данного исследования.

В статье будут установлены социальный состав и численность учеников Академии наук и воспитанников Московского университета, что предоставит новые данные для изучения образования как социального лифта и даст возможность прийти к пониманию того, в какой степени ученики академической и университетской гимназий вошли в образованную элиту Российской империи. Решив эту задачу, можно будет приблизиться к пониманию процессов модернизации, происходивших в российском обществе XVIII века.

Методология этой работы родственна таким современным социальным наукам, как социальная история и социология, в которых общество изучается через анализ активности отдельных акторов и социальных групп, а также динамики различных социальных страт Российской империи.

Таким образом, **целью** работы станет показать роль гимназий Академии наук и Московского университета в воспроизводстве верхнего слоя общества Российской империи XVIII века. Для этого следует решить следующие **задачи**: сравнить социальный состав и численность учеников Академии наук и воспитанников Московского университета; установить процент учеников, достигших генеральских чинов; показать долю, которую составляли ученики указанных заведений, от общего числа генералитета Российской империи XVIII века.

За 1755-1765 гг. известно 492 гимназиста Академии наук, из них 108 дворян (22%, включая 12 человек из украинской старшины и «малороссийского шляхетства», которые формально были уравниены правами с российским дворянством при Екатерине II) и 1222 ученика (929 дворян, 76%), включая титулованных, в том числе грузинских и молдавских князей, гимназии Московского университета.

В целом социальный состав гимназии Академии наук был весьма разнородным. Значительная часть (до 20%) учеников были детьми солдат, матросов и унтер-офицеров. На втором месте – дети чиновников и канцелярских служащих. У нескольких процентов служба отцов была как-то связана с Академией наук (преподавательский состав и различные служители). Детей из духовного сословия насчитывалось около 3%.

Родители остальных гимназистов служили при Дворе на разных мелких должностях, другие гимназисты были детьми медиков и аптекарей, инославных клириков. К податным сословиям относились выходцы из купечества, мещан и крестьян. Сложно указать точное число иностранцев. Люди с иностранными фамилиями могли прибыть из-за границы, быть остзейскими уроженцами (т.е. российскими подданными), а могли родиться на территории России, будучи детьми лиц, поступивших на службу Российскому государству или занимавшихся вольным трудом (не обязательно принявшими российское подданство).

Из общей численности гимназистов Академии наук 23 человека (менее 5%) достигли генеральских (I-V класса) чинов. Если учитывать только гимназистов-дворян, то этот процент будет существенно выше (чуть менее 14%, 15 человек из 108). Из учеников гимназии Московского университета генеральских чинов достиг 91 человек (менее 8%) от общей численности учащихся. Из дворян – 85 (более 9%).

Кроме собственно гимназического обучения, пути гимназистов к высшим чинам Российской империи были весьма различны. На военной службе двое академических гимназистов-дворян достигли 5-го класса,

это Василий Иванович Лихарев и Матвей Кириллович Рубановский. Оба они начали служить в гвардии, Лихарев – в Семеновском, в Рубановский – в Измайловском полках. Оба вышли в отставку с чином бригадира. Рубановский, дядя жены Радищева, после отставки с военной службы продолжил службу в Ораниенбаумском уездном суде. Николай Иванович Мордвинов сочетал учебу в гимназии Академии наук с инженерной службой (куда был записан еще до гимназии) и достиг на ней чина 5-го класса, инженер-полковника.

На статской службе 14 гимназистов дослужились до чинов 4-5 ранга (статского и действительного статского советника). Семеро из них не были дворянами. Двое были родом из духовного сословия. Это сын дьячка, известный архитектор Василий Иванович Баженов (до Академической гимназии учился в гимназии Московского университета), и сын протопопа Иван Иванович Богаевский. Последний служил переводчиком в Академии наук, потом в Комиссии о дорогах государстве и, наконец, обер-секретарем в Сенате, где и получил чин статского советника. Трое гимназистов были детьми чиновников (секретаря, актуариуса и канцеляриста), еще двое – купца и гвардии сержанта. Из семи дворян трое были на момент поступления в гимназию титулярными юнкерами (Портовой таможни и Коммерц-коллегии).

Институт коллегии-юнкеров был создан Петром I для приучения дворян к статской службе. Юнкера учились в школе при Сенате, овладевая бюрократической наукой. Учитывая это, выбор этими учениками статской, а не военной службы представляется вполне логичным. Хотя в целом дворяне неохотно учились «приказному порядку», и в 1763 г. этот институт коллегии-юнкеров был упразднен, дворян отправили в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, а разночинцев – в Московский университет [16, с. 274, 280]. Так, один из гимназистов-юнкеров, Назарий Степанович Муравьев (дедушка Муравьева-Амурского), сначала поступил на военную службу, потом служил по дворянским выборам и впоследствии стал архангельским губернатором, получив чин действительного статского советника.

У двоих гимназистов отцы служили асессорами в Канцелярии от строений, что также говорит о уже имеющейся связи будущей карьеры учеников со статской службой. Один был сыном солдата лейб-гвардии Измайловского полка, и еще один – сыном протопопа из украинской старшины (впоследствии включенной в состав российского дворянства) Иваном Григорьевичем Туманским.

Первых трех рангов достигли только шесть человек из 23 – пятеро дворян и сын профессора Академии наук Карл Федорович Модерах. Отцы гимназистов Академии наук в это время не могли похвастаться высокими чинами и знатностью. Среди гимназистов, достигших высших чинов, только у двоих отцы имели 5-й ранг бригадира – у Григория Михайловича Осипова (сын сержанта Лейб-компания из «церковников») и Ивана Петровича Вульфа, внука «иноземца» на русской службе. Г. М. Осипов получит чин действительного тайного советника (2-й ранг), Вульф – тайного советника (3-й класс).

Для троих дворян карьерным трамплином станет обучение после Академической гимназии в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Это генерал-лейтенант Алексей Андреевич Беклешов, генерал-поручик Иван Васильевич Боувер (оба 3-го класса) и генерал от инфантерии (2-й класс) Сергей Лаврентьевич Львов. Карл Федорович Модерах после гимназии поступил в Инженерный корпус и стал одним из лучших инженеров России, после чего был пермским губернатором и на этой должности получил чин тайного советника (3-го класса). Еще двое дворян (упомянутые дети бригадиров) служили в гвардии, получив в ней офицерские чины. Вульф продолжил службу по дворянским выборам, Осипов – в крисккомиссариате (снабжение армии), потом оба служили губернаторами. Вульф, будучи орловским губернатором, получил чин 3-го класса (тайный советник). Осипов получил чин генерал-поручика (3-й ранг) на должности смоленского и псковского генерал-губернатора, потом перешел на статскую службу, стал сенатором и достиг чина 2-го класса, действительного тайного советника.

Из учеников гимназии Московского университета 56 дворян достигнут чинов 4-5 класса. Александр Иванович Воейков станет артиллерии полковником. Иван Григорьевич Наумов после службы в гвардии получил придворный чин 5-го класса (камер-юнкер). Чины камергера (4-го класса) при Дворе носили князь Яков Петрович Долгоруков, в 1757 г. покинувший Московский университет и поступивший в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Василий Семенович Васильчиков (брат фаворита Екатерины II) и Сергей Герасимович Домашнев, будущий директор Академии наук. При этом Васильчиков и Домашнев, как и Наумов, служили в гвардии.

12 человек имели чин бригадира (5-й класс), четверо – генерал-майора (4-й класс). Василий Васильевич Каховский из студентов Московского университета был определен «в поощрение и пример другим» в переводчики при университете, «чтоб тем ободрить протчих прилежно обучающихся и имеющих в науках добрые успехи» [12, д. 2944, л. 70]. По доношению в Сенат куратора Ф. П. Веселовского пожалован рангом подпоручика [Там же, л. 77]. Каховский служил по квартирмейстерской части, потом перешел на статскую службу и был назначен правителем Екатеринославского наместничества.

35 дворян достигли чинов статского и действительного статского советника. Из них Иван Яковлевич Евреинов после университетской гимназии был записан в Артиллерийскую школу сверх комплекта, а после военной службы стал чиновником в Ассигнационном банке, где и получил чин статского советника. Александр Иванович Перепечин после окончания гимназии произведен в студенты и на службе в канцелярии Московского университета заслужил такой же чин 5-го класса, как и Евреинов. Василий Васильевич Хотяинцов, как и братья князя Долгоруковы, перешел в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, потом поступил на статскую службу и достиг чина 4-го класса действительного статского советника.

Только шесть воспитанников разночинской гимназии Московского университета достигли первых пяти чинов. Это выходцы из духовного сословия, известные архитекторы И. Е. Старов и В. И. Баженов (после учебы в разночинской гимназии Московского университета продолжил свое образование в гимназии Академии

наук), сын «словолитного мастера» корреспондент Академии наук К. И. Габлиц и двое солдатских детей – М. И. Донской и П. Ф. Барышников. Из них только один Габлиц достиг 3-го класса и стал сенатором.

Всего первых трех чинов достигли 30 учеников Московского университета. Из них детьми военного и статского генералитета были 10 человек. Ровно две трети гимназистов (20 дворян) начали службу в гвардии, трое – в армии, трое – в артиллерии. Любопытно, что отец одного из будущих гвардейцев, московского гимназиста Петра Николаевича Жеребцова, учился в гимназии Академии наук, а потом был пажом. Я. И. Булгаков сделал карьеру в Коллегии иностранных дел. Князь П. П. Долгоруков (брат камергера Якова Долгорукова) в 1757 г. покинул гимназию и записался в Сухопутный шляхетный кадетский корпус.

Взлету А. С. Васильчикова помогло то, что он недолгое время был «в случае» при Екатерине (1772-1774). Карьере Иоасафа Иевлевича Арбенева и Ивана Петровича Дунина способствовала женитьба на дочерях саванников. Первый был женат на дочери действительного тайного советника сенатора И. И. Козлова, второй – на выпускнице Смольного, дочери генерал-поручика и харьковского губернатора Д. А. Норова. Продвижению по службе Юрия Богдановича Бибикова покровительствовал граф П. И. Панин, связанный по службе с родом Бибиковых (эта связь окрепла во время подавления восстания Пугачева). Князю Прокофию Васильевичу Мещерскому удалось привлечь внимание Павла I одами, посвященными этому императору [13]. Известный археограф А. И. Мусин-Пушкин в 12 лет (21 февраля 1757 года) был зачислен в Московскую артиллерийскую школу, при этом было велено его «счислять для наук в университете» [2, д. 1083, л. 420 об.].

Поступившие в гимназии Академии наук и Московского университета с 1755 по 1765 гг. родились в конце 1730-х – начале 1750-х годов. Известно 252 человека из российских дворян, родившихся и поступивших на службу в тот же период, что и гимназисты, и получивших чины первых трех классов. 31 из них (12%) были выпускниками Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, в том числе трое бывших (до корпуса) учеников Академии наук и один гимназист Московского университета.

12 человек (менее 5%) получили артиллерийское и инженерное образование, в том числе один гимназист Академии наук. 16 представителей элиты окончили Морской кадетский корпус (более 6%). 13 генералов (чуть более 5%) получили заграничное образование. Мы видим только шесть гимназистов Академии наук (чуть более 2%) среди этой группы и сразу 30 воспитанников (чуть менее 12%) Московского университета, что практически равно числу выпускников Сухопутного кадетского корпуса, традиционному карьерному лифту для среднего дворянства.

Если мы сравним гимназии Академии наук и Московского университета с другими образовательными учреждениями Российской империи, то увидим, что для дворянства самыми привлекательными и открывающими наиболее прямой путь для карьеры были военно-учебные заведения: Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус. Эти учебные заведения представляли интерес главным образом для помещиков средней руки. Для небогатого дворянства альтернативой служил Морской кадетский корпус. Представители родовитого и богатого дворянства предпочитали образование за рубежом, а в России – частные пансионы и Пажеский корпус.

Воспитанников Московского университета достаточно много среди военного и статского генералитета Российской империи, но, очевидно, это не всегда прямое следствие полученного в нем образования. Очевидно, что светлейшие князья Григорий Александрович Потемкин и Петр Васильевич Лопухин обязаны своей головокружительной карьере не тем, что были воспитанниками (а Потемкин даже не был студентом, только учеником гимназии) Московского университета. Для Аркадия Ивановича Моркова и Якова Ивановича Булгакова (оба были произведены в студенты), служивших в Коллегии иностранных дел, именно университет дал те необходимые знания (в первую очередь языков), которые позволили реализовать себя на дипломатическом поприще.

Многие дворяне отдавали своих детей в Московский университет или в гимназию Академии наук, поскольку там можно было получить некоторое правильное образование, требовавшееся от недорослей по указам 1736-1737 гг. [17, с. 96-104], и начальные знания европейских языков. Особенно важно это было до Манифеста о вольности дворянства 1762 года, но эта практика записи недорослей в гимназию и отчета об изучении положенных наук в Герольдии еще несколько лет продолжалась, хотя формально дворяне и получили право не служить.

Нужна ли была дворянам латынь (и насколько нужна), которая изучалась в обеих гимназиях наряду с новыми языками, – вопрос сложный и еще не решенный в исторической науке. В целом отдать своего отпрыска в гимназию было дешевле, чем нанимать гувернеров, что было особенно важно для мелкопоместного дворянства (а таковых было подавляющее большинство среди всего благородного сословия). В начальный период это особенно заметно в Петербурге, где в 1720-1730-х гг. в гимназию Академии наук записалось большое число детей знатного шляхетства, значительный процент которых перешел в новооткрытый Сухопутный шляхетный кадетский корпус. В Москве не существовало своего кадетского корпуса, а потребность среднего и мелкопоместного дворянства в недорогом обучении была очевидна.

Итак, в 1755-1765 гг. число гимназистов Московского университета в 2,5 раза превосходило численность учеников гимназии Академии наук. Процент дворян в Московской университетской гимназии был почти в 3 раза выше, чем в Академической. Из общего числа гимназистов чинов первых пяти рангов достигли 5-8%, только из дворян – 9-13%. Треть из гимназистов, достигших первых трех чинов, была детьми генералитета таких же рангов, прочие в подавляющем большинстве были детьми дворян или, как исключение, иностранцев на российской службе, простолюдинов среди них не было. Среди всего генералитета первых трех классов воспитанников Московского университета было в пять раз больше, чем академических гимназистов; совокупная доля учеников обеих гимназий составляла 14%.

При этом ни гимназия Академии наук, ни московская гимназия не давали, в отличие от записи в гвардию или поступления в кадетские корпуса, прямых карьерных преимуществ (выпуск на службу с обер-офицерским чином). Социальным лифтом они стали прежде всего для «разночинцев», лиц небогатого происхождения, облегчая им поступление на статскую службу, включая научную карьеру, которая, при известном везении и покровительстве, также могла дать чины и, в перспективе, включение в дворянское сословие. Для таких людей гимназии стали первыми ступенями на пути к получению высших чинов Российской империи.

Полученные знания, этот интеллектуальный капитал, особенно владение языками и усвоение общей культуры, стало важным (а для некоторых и определяющим) фактором социализации и послужило источником успешной карьеры. Однако не стоит переоценивать важность собственно образования. Судьбы основной массы воспитанников Московского университета и Академии наук, в том числе и представителей благородного сословия, так и не сумевших получить высшие пять чинов Табели о рангах, говорят о том, что среди прочих составляющих успешной карьеры на первом месте стояли не образование и полученные знания; наиболее значимыми факторами успеха были протекция со стороны родственников или сторонних покровителей, фавор императорской фамилии и социальный капитал в виде родственных связей, богатства семьи и в целом социального статуса фамилии.

Список источников

1. Акельев Е. В., Жуковская А. Из казаков во дворяне: Шагаровы, микроистория социальной мобильности в России, XVII-XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2016. Т. 57. № 2-3. С. 457-504.
2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. ШГФ.
3. Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Московского ун-та, 1955. 312 с.
4. Императорский Московский университет, 1755-1917: энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с.
5. История Московского университета: в 2-х т. М.: Изд-во Московского ун-та, 1955. Т. 1. 1755-1917. 563 с.
6. История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): сб. документов: в 4-х т. / сост., вступ. статьи и коммент. Д. Н. Костышина. М.: Academia, 2006. Т. 1. 472 с.; 2011. Т. 2. 376 с.; 2014. Т. 3. 816 с.; 2016. Т. 4. 1024 с.
7. Костина Т. В. Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726-1805) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2-х кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. Кн. 1. С. 207-302.
8. Костина Т. В. Учебные заведения Петербургской академии наук как социальный лифт: карьерные стратегии детей служащих Академии (1725-1766 гг.) // КЛИО. 2017. № 10 (130). С. 14-26.
9. Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
10. Кусбер Я. Какие знания нужны дворянину для жизни? Провинциальные и столичные воспитательные дискурсы второй половины XVIII и начала XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: сборник статей / ред. О. Глаголева, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 269-291.
11. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 320 с.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 126.
13. Степанов В. П. Мещерский Прокопий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 286-287.
14. Страхов П. И. Краткая история Академической гимназии, бывшей при Московском университете. М.: Унив. тип., 1855. 64 с.
15. Толстой А. Д. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб.: Тип. Академии наук, 1885. 114 с.
16. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М.: Наука, 1974. 396 с.
17. Федюкин И. И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / сост. Е. В. Акельев, В. Е. Борисов; отв. ред. Е. Б. Смилянская. М.: Древлехранилище, 2014. С. 83-143.
18. Черников С. В. Факторы карьерного роста генералитета России 1730-1763 гг.: влияние петровских реформ на социальную мобильность в составе элиты // *Cahiers du Monde russe*. 2016. Vol. 57/2-3. P. 505-544.
19. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755-1855. М.: В Унив. тип., 1855. 584 с.
20. Fedyukin I., Gabdrakhmanov S. Cultural capital in an early modern elite school: The Noble Cadet Corps in St. Petersburg, 1732-1762 // *Journal of Interdisciplinary History*. 2016. Vol. 46. № 4. P. 485-516.

ROLE OF ACADEMIC GYMNASIUM AND MOSCOW UNIVERSITY IN REPRODUCTION OF THE RUSSIAN ELITE OF THE XVIII CENTURY (BY THE EXAMPLE OF 1755-1765 ACADEMIC YEARS)

Feofanov Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in History
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
aleksandr-feofanov@yandex.ru

By the example of career and educational trajectories of the Academic Gymnasium graduates and Moscow University students, the article examines education as a social lift. The paper identifies to what extent the Gymnasium graduates replenished the intellectual elite of the Russian Empire. The author concludes that 5-8% of the Gymnasium graduates achieved the first five ranks; one third of the Gymnasium graduates, who achieved the first three ranks, were children of generals with the same rank; among generals of the first three ranks, Moscow University graduates were five times more frequent than the Academic Gymnasium graduates.

Key words and phrases: Moscow University; elite; generals; szlachta; career mechanisms; social mobility; Academic Gymnasium.